

DOI: <https://doi.org/10.32653/СН174985-1001>

Капустина Екатерина Леонидовна
к.и.н., зав. отделом этнографии Кавказа,
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия
parallel@mail.ru

ИГБИ: ИСТОРИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ДАГЕСТАНСКОГО ПРАЗДНИКА

Аннотация. Статья посвящена судьбе одного из самых самобытных традиционных праздников горного Дагестана – празднику середины зимы Игби. Праздник, который отмечался только в трех селениях Цунтинского района, Шаитли, Китури и Гениятли, и впервые был описан в академическом исследовании в 1983 г. выдающимся этнографом-кавказоведом Ю.Ю. Карповым. В статье рассмотрены основные векторы трансформации праздника в 1980-1990-е гг. – ввод новых персонажей и элементов сценария, соревнование сел, самопрезентация селения через праздник. Внимание уделяется и дискуссиям в джамаатах, связанным с переоценкой значимости праздника под влиянием реисламизации региона, что в конечном итоге привело к конфликтным ситуациям и запрету праздника во всех селениях, ранее его отмечающих, уже к 2007 году. При этом, уйдя из горных сел Цунтинского района, праздник стал реальностью в виртуальном пространстве, что можно связать с появлением статей и видеоматериалов в Интернете, а также с включением Игби в реестр нематериального наследия России. В результате этого Игби можно определить как «квазилокальный» праздник: виртуальные и бюрократические мероприятия, связанные с Игби, подчеркивают его уникальную локальность, но при этом проходят без взаимодействия с самой локальностью – селами Цунтинского района. Некогда реальный праздник нескольких сельских обществ, угаснув в горах, тем не менее, продолжает жить, превращается в республиканский культурный проект, утрачивая не только связь с изначальной локацией и получая таким образом «общедагестанскую прописку», но и, по сути, отделяясь от своего локального прототипа и получая «новую жизнь». Исследование выполнено в методике case study. Материалом для написания данной статьи послужили полевые материалы, собранные автором в ходе работы в Цунтинском районе и в Махачкале летом 2021 г., различные данные из интернет-источников, предметные и фотоколлекции МАЭ РАН, связанные с праздником.

Ключевые слова: традиционный праздник; календарная обрядность; Дагестан; локальность; виртуализация.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH174985-1001>

Ekaterina L. Kapustina

Cand. Sci. (History), Head of Dep. of Ethnography of the Caucasus
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS

Saint Petersburg, Russia

parlel@mail.ru

HISTORY OF TRANSFORMATION OF THE DAGESTAN FESTIVAL IGBY

Abstract. The paper reviews the history of one of the unique traditional festivals of Mountainous Dagestan – Igby, the midwinter festival. The festival, which was celebrated in only three villages of the Tsuntinsky district – Shailti, Kituri, and Geniyatli, – was first described during the scientific research in 1983, conducted by the prominent ethnologist-caucasiologist Yu.Yu. Karpov. The paper considers the main vectors of transformation of the festival in 1980s-1990s: the inclusion of new characters and elements of the scenario, inter-village competitions, self-presentation of a village through the festival. The study highlights discussions in jamaats regarding the overestimation of the significance of the festival under the influence of re-Islamization of the region, which ultimately led to conflict situations and the prohibition of the holiday in all villages that previously celebrated it, by 2007. At the same time, having discontinued in the mountain villages of the Tsuntinsky district, the festival has found its new life in the virtual space due to the emergence of papers and videos on the Internet about it, as well as with the inclusion of Igby in the register of Russia’s intangible cultural heritage. As a result, Igby can be defined as a “quasi-local” festival: virtual and bureaucratic events associated with Igby emphasize its unique locality, but at the same time they are held without interaction with the locality itself – the villages of the Tsuntinsky District. The once real festival of several rural societies, having faded away in the mountains, nevertheless continues to live, has turned into a republican cultural project, losing not only connection with the original location and thus receiving a “common Dagestani nature”, but also separating from its local prototype and getting a new page in history. The research has been conducted with use of case study method. The study is based on field material, collected by the author during the work in the Tsuntinsky district and Makhachkala in Summer of 2021; on various data from the Internet, material sources and photo-collections of Kuntskamera, related to the festival.

Keywords: traditional festival; calendrical rites; Dagestan; locality; virtualization.

*Посвящается
Ю.Ю. Карпову*

Селение Шаитли Цунтинского считается удаленным не только по меркам горного Дагестана, оно спряталось в глубине ущелья в одном из самых труднодоступных районов республики – Цунтинском. Тем не менее, шаитлинцы привыкли к повышенному общественному интересу к их селению, основная причина которого связана с сельским праздником середины зимы, известным под названием «Игби». Праздник, фиксировавшийся лишь в трех селах республики, Шаитли, Китури и Гениятли, и впечатлявший своей яркостью и драматургией, а также загадочностью происхождения, последние почти 40 лет неоднократно приводил сюда этнографов, журналистов, просто любознательных людей. Удалось побывать в знаменитом Шаитли и мне, причем дважды – в 2005-м и в 2021-м. В первый раз я была в селении в рамках этнографической экспедиции под руководством выдающегося этнографа-кавказоведа Ю.Ю. Карпова, в свое время открывшего Игби для научного сообщества и широкой дагестанской общественности: после зимней экспедиции 1982 г. ученый опубликовал первое научное описание праздника и тем прославил и Игби, и себя. Однако в 2005 г. Игби интересовал нас лишь косвенно, прицельно материал по нему не собирался. Во второй приезд моей научной целью стала именно судьба знаменитого сельского праздника¹. К сожалению, метод включенного наблюдения, излюбленный для антропологов, не был нам доступен – в настоящее время праздник в селениях не проводят, от него остались лишь немногие видеозаписи и фотографии, хранящиеся в семьях, а также воспоминания его бывших участников. Однако отсутствие самого праздника не стало препятствием к проведению исследования, предварительные выводы которого представлены в данной статье. Скорее именно исчезновение этого элемента локальной культуры, равно как обстоятельства, этому предшествовавшие, и последствия его, побудили меня к рефлексии и формулированию исследовательских вопросов

Игби был впервые описан в 1982 г. и отмечался в селении в последний раз в 2007-м. Основной задачей данной статьи стало решение следующих исследовательских вопросов: что происходило с праздником Игби между этими датами, как сложилась его судьба в настоящее время? Меня будут интересовать не только канва событий, изменения в структуре Игби в конце XX – начале XXI в., но и те дискуссии, которые породил этот праздник в обществе в последние десятилетия. Через ответы на сформулированные выше вопросы предлагается как восстановить недавнюю историю конкретного праздника, так и определить специфику существования и изменения локальной дагестанской культуры в условиях социальных, религиозных и информационных трансформаций.

¹ Полевая работа в Цунтинском районе в 2021 г. проводилась совместно с моим коллегой, социологом Р. Абдулхаликовым, которому я выражаю большую благодарность за радость совместного труда.

Материалом для написания данной статьи послужили полевые материалы, собранные мной в ходе работы в Цунтинском районе и в Махачкале летом 2021 г. (интервью и наблюдения), также были задействованы различные данные из интернет-источников (газетные и журнальные статьи, видеосюжеты, пресс-релизы мероприятий и т.д.), предметные и фотоколлекции МАЭ РАН, связанные с праздником Игби.

Фокус исследования направлен, прежде всего, на историю локального праздника двух селений и методологически выполнен как case study. Данный метод позволяет через судьбу одного элемента традиционной культуры в современном Дагестане взглянуть на принцип реорганизации взаимоотношений сельского сообщества с объектами традиционной культуры, а также участия в этом процессе других акторов, находящихся за пределами сельской локальности – различных общественных и государственных институтов, медиа, транслокальных членов джамаата и т.д.

Праздник глазами этнографа: Игби в 1982 году

Как уже было отмечено во введении, цезский² праздник Игби стал первым дагестанским открытием выдающегося этнографа-кавказоведа Юрия Юрьевича Карпова. Юрий Юрьевич рассказывал, что идею заниматься Дагестаном ему подсказал его научный руководитель Л.И. Лавров, он же и отправил своего аспиранта в первую дагестанскую экспедицию, рекомендовав поехать в удаленные горные районы республики на границу с Грузией и Чечней, известные своим лингвистическим и культурным разнообразием. Карпов отправился в Цунтинский район, изучением которого он вдохновенно занимался следующие десять лет. В первой же экспедиции ему рассказали о зимнем празднике, который отмечается 5 февраля (а на тот момент обычно в первое воскресенье месяца) в трех селениях района – Шаитли, Китური и Гениятли. Выяснив, что в этнографической литературе нет описания этого праздника, Ю.Ю. Карпов решает приехать сюда следующей зимой и детально его изучить. В феврале 1982 г. Ю.Ю. Карпов и его коллега А.И. Азаров, аспирант отдела этнографии Австралии и Океании, через тогдашний районный центр Бежту прибыли в селение Шаитли.

Даже добраться до удаленного горного села в условиях снежной зимы было непросто – из Бежты исследователей вез трактор, расчищающий дорогу от снега – об этом непростом опыте рассказывал сам Юрий Юрьевич (молодые аспиранты были неподобающе одеты для многочасовой поездки по горам в неотопливаемой кабине и очень замерзли). Побывав на празднике в Шаитли, а затем

2 Цезы – другое название дидойцы – небольшая этническая группа, порой воспринимаемая как часть аварской этнической группы. По переписи 2010 года цезами определили себя около 11 тысяч человек (в переписи они также были указаны как цунтинцы) [Национальный состав населения http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf]

Те информанты, у которых я спрашивала об их этнической самоидентификации, определяя себя цезами или дидойцами, отмечали, что также ощущают себя и аварцами.

поработав и в Китури, ученые описали подготовку к празднику, сам праздник, а также сделали целую серию слайдов – цветных и черно-белых, детально задокументировавших проведение Игби зимой 1982 г. Эти иллюстративные коллекции хранятся в собрании МАЭ РАН (коллекции МАЭ РАН И2216, МАЭ РАН И2078) и являются ценнейшим источником по изучению традиционных дагестанских праздников позднесоветского периода.

Также ученые собрали коллекцию предметов, связанных с праздником Игби – несколько масок волков-*боци* из сел. Шаитли, а также маску существа *квидили* из сел. Китури (коллекция МАЭ РАН И 6851). Впоследствии Ю.Ю. Карпов неоднократно приезжал в Шаитли, Китури и Гениятли, собирая материал, который помимо прочего также касался и праздника Игби.

Здесь будет очень кратко описана структура Игби, представшего перед исследователями в 1982 г., поскольку они сами талантливо и подробно описали и ее, и возможное происхождение и значение праздника [1; 2; 3].

В празднике принимали участие юноши и молодые мужчины, как правило, в возрасте 14–25 лет. За 1,5–2 месяца до праздника участники Игби делали костюмы и распределяли обязанности. Персонажами праздника являются волки (*боци* – ед. ч.), лесные люди (*цикес жеклу* – ед. ч.), шайтан, скелет, врач, спекулянты, туристы, милиционер, военный и *квидили* (*хъвидили*) – центральная фигура праздника³. Маски волков изготавливаются конусообразными из шкур мехом наружу, с прорезями для глаз, носа и рта. К острому концу маски могут подвязываться разноцветные короткие ленточки. Костюм волка кроме маски состоит из вывернутой мехом наружу, подпоясанной ремнями шубы, традиционной вязаной обуви *гедоби* и перчаток. Для лесных людей изготавливаются комбинезоны, на которые нашиваются мох, сосновые ветки; маски для них делают таким же способом. Для костюма шайтана используются тряпье, куски меха, пустые банки. Маски для остальных участников праздника (врач, спекулянт, турист, милиционер) были из папье-маше или материи. Костюмами служили вещи, отвечающие функциям персонажей. Фигура *квидили* – это маска в виде головы с большой пастью. Маска укрепляется на конце двухметрового шеста, который несет человек, исполняющий роль *квидили*. Костюм этого персонажа праздника делается из сшитых шкурок меха и напоминает балахон.

Более почетными являются роли волков. Женские роли спекулянток и туристов также исполняют юноши. На роль *квидили* приглашают взрослого мужчину, пользующегося в селении уважением [1, с. 115].

«За неделю до дня игби в центре селения появляется 3–4 волка в сопровождении мальчиков, которые от имени *боци* возвещают сельчанам о необходимости готовиться к празднику – делать хлебцы-*иги*⁴; те, кто не приготовит их, будут наказаны *боци*. К 7 часам утра на улицах уже много детворы, которая, ... собираясь группами, начинает обходить селение и собирать специально

³ Карпов определил в качестве основных и самых древних персонажей именно *боци* и *квидили*, которые были самыми обязательными героями праздника [1, с. 134].

⁴ Игби – множественное число от иг [1, с. 114].

приготовленные для них в каждом доме маленькие *иги*. Скоро их сумочки наполняются *игами*, и они уносят их в свои дома. Около 10 часов утра с разных концов селения к годекану подходят шесть *боци* — волков, облаченных в костюмы, с деревянными мечами в руках. *Боци* выбирают из числа зрителей двух взрослых мужчин и заставляют их нести *гири* — пятиметровый шест, на который будут нанизываться *иги*. *Боци* в сопровождении группы мальчиков и двух мужчин, несущих *гири*, начинают обходить селение. В течение всего периода сбора *игов* мальчики громко и протяжно кричат: «Готовьте иги! Кто не даст игов, будет наказан!»... Если около какого-то дома хозяин не встречает эту группу, один из *боци* стремится проникнуть в него и наказать (побить мечом) хозяйку. Обычно же, подходя к дому, где их уже ждут, один из *волков* протягивает меч, и хозяйка или хозяин надевает на него приготовленный *иг*. Постепенно они обходят все дома. Все остальные, более второстепенные, персонажи веселят своими действиями собравшихся зрителей. В 11 часов со стороны горы Хора появляется *квидили*. Он собирает вместе всех участников праздника и зрителей. Начинается «официальная» часть. *Квидили* поднимается на специально для этого построенную трибуну из снега и льда и по-цезски желает сельчанам хорошей погоды и хорошего урожая в новом году, чтобы все жители селения принимали активное участие во всех общественных работах. Затем на трибуну поднимается учитель местной школы и от имени *квидили* зачитывает список сельчан, чем-либо провинившихся перед селением или молодежью. Таких провинившихся *боци* по приказу *квидили* волокут к реке и опускают в прорубь по колено (в прошлом вместо этого набивали вязаную обувь мокрым снегом). После подобных наказаний выступающий от имени *квидили* поздравляет тех шайтлинцев, кто отличился в 1982 г. добросовестным трудом. К полудню праздник вступает в завершающую фазу. Все участники собираются на годекане вокруг *квидили* и затаскивают его на мост через речку, протекающую посередине селения. На мосту *квидили* кладут, и старший *боци* своим деревянным мечом символически перерезает ему горло. Тело *квидили* укладывается на носилки, и *боци* уносят его вглубь квартала. Все исполнители ролей делят между собой собранные *иги*, а самый лучший *иг* вручается исполнителю роли *квидили*. На этом праздник заканчивается» [1, с. 115–119].

Таково классическое описание Игби, представленное Ю.Ю. Карповым на страницах авторитетного научного журнала «Советская этнография» в 1983 г. Разумеется, этот вариант праздника не стоит рассматривать как неизменную форму. Он, вероятнее всего, менялся на протяжении всей своей истории, изменения, произошедшие с ним в XX в. можно проследить по воспоминаниям информантов – и зафиксированным в статьях Ю.Ю. Карпова, и полученным мной в ходе интервью с сельчанами в 2021 г. Информанты отмечали, что красочная канва событий, зафиксированная в 1980-х гг., не была такой яркой в середине прошлого века, когда и количество персонажей, и продолжительность самого действия были гораздо скромнее. Высказывалась версия, что и бублики *иги* первоначально были толочком, что ставит под вопрос само происхождение

названия праздника. Драматичный момент «добровольно-принудительного» переселения жителей ущелья в Чечню в 1944–1957 гг. прервал традицию Игби в селении – в Чечне его не отмечали, те немногие семьи, которым удалось остаться в Цунтинском районе, также не предпринимали попыток его проводить. В качестве исключения можно упомянуть попытку одного из шайтлинцев вместе с анчихцами, имевшими на землях, покинутых шайтлинцами, свои фермы и пастбища, взяв голову сохранившегося *квидили*, испугать женщин селения Анчих. Кончилось все весьма предсказуемо – шутников поколотили, а голову *квидили* отобрали. Новую голову чудовищу изготовили уже после возвращения из Чечни, когда решили возобновить и отмечание середины зимы. Первые Игби после возвращения в горы были скромными и недолгими. «После уроков дети ходили объявляли, что завтра будет Игби. И боци один с ними ходил. Назавтра рано утром дети ходили бублики собирать, 1-2 боци были, собирали общий сбор. Крыши были плоские, там с каждого хозяйства собирали большие бублики и делили. И просили Всевышнего, чтобы урожай был хороший, год был хороший, засухи чтоб не было. Старики делали это уже»⁵. Постепенно появляются и новые персонажи, и новые сюжетные вариации канвы праздника, которые и превратили праздник в то, что увидели ленинградские исследователи в 1982 г. Очевидно, значение праздника несколько расширяется, помимо календарной составляющей он является и некоторым «годовым отчетом» для селения, поэтому в сценарии праздника так много внимания уделяется трудовым успехам и неудачам сельчан. Наряду с общей трудовой направленностью большинства календарных праздников Дагестана можно увидеть здесь и слияние народного праздника с отчетными мероприятиями в условиях колхозной экономики.

После «открытия»: развитие праздника в середине 1980-х – 1990-гг.

После посещения Ю.Ю. Карповым и А.И. Азаровым праздника Игби, публикаций Ю.Ю. Карпова и последующего интереса к празднику со стороны местных властей, других дагестанцев и журналистов⁶ это традиционное явление, по словам информантов, переживает определенный расцвет. Праздник привлекает помимо сельчан и жителей близлежащих сел гостей из района, из Махачкалы, из-за пределов Дагестана.

Информанты из Шайтли неоднократно подчеркивали, что Игби изначально отмечался только в их селении и лишь позже появился в Китуре и Гениятли, где праздновали его в более усеченном виде, и что китурицы, быстро отметив свой праздник, затем всегда спешили на главное празднование – в Шайтли. Однако после просмотра нами видеозаписи китуринского Игби в 1998 г. стало

5 Полевой материал Капустиной Е.Л., Шайтли, 2021, м. 71 год

6 Миловский А. Квидили спускается с гор // Вокруг света. 1988. 02. С. 3-5. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://zhurnalko.net/=travel/vokrug-sveta/1988-02--num7>. Дата обращения 1.12.2021 г.

очевидно, что и здесь к 1990-м годам праздник развился настолько, что уже был сопоставим с шайтлинским по красочности и продолжительности. В своей статье Ю.Ю. Карпов также отмечал, что китурицы переняли праздник от шайтлинцев лишь за 20 лет до его приезда, а также что в их празднике есть много отступления от шайтлинского канона, они легче вносят изменения в праздничный сценарий [1, с. 120].

Очевидно, интерес ученых и журналистов в определенном смысле подогревал креативность сельчан. Сам праздник удлиняется, разнообразие персонажей заметно расширяется по сравнению с описанным в 1982 г. вариантом. Например, в Китури помимо *боци* с гор спускалась целая шуточная свадебная процессия – с женихом, невестой, ее подружками и т.д. Возможно, эти шуточные шествия перекочевали в праздник из традиций ряжения фальшивых жениха или невесты на свадьбах, которые фиксируются в регионе. В Китури также упоминали и о персонажах, исполняемых не людьми: так могли нарядить осла (рога, костюм). Китурицы рассказывали и о том, как на одном празднике была сделана кукла человека, с которой *боци* появлялись на скале вдали от селения, заводили с ней шуточный бой и затем сбрасывали со скалы.

Новые персонажи активно включались в праздник. «Обезьяна и Скелет пугали детей, Алкаш с редкими волосами из козьей шерсти протягивал настоящим алкоголикам бутылку и предлагал сообразить на троих. ...Доктор с огромным шприцом наперевес «лечил» пивом упавших на землю мнимых больных. Челноки разворачивали торговлю, и соседи шуточки ради покупали у них за полтинник разную чепуху – старые непарные носки, женские трусы, тряпки, подгузники... Жених и Невеста сходились в свадебном танце, и прохожие по обычаю забрасывали их деньгами»⁷. Лесные люди также могли варьироваться: отдельно упоминались такие роли как «шишечный» – *белеташ*, человек в костюме из мха – *зозас*, а также *зэкенёс* – человек в костюме из елочных веток.

Помимо новых персонажей изменялась и та часть праздника, которую Ю. Карпов назвал «официальной», когда *квидили* на импровизированной трибуне подводил итоги прошедшего года. Например, на съемках китуринского праздника 1998 г. видно, что торжественную часть в Китури ведет вовсе не *квидили*, а глава колхоза. Помимо него в импровизированном «президиуме» находились приехавшие из района и даже города гости, известные в районе певцы, другие люди, которых опознают как достойных ораторов. Во время торжественной части праздника Игби обсуждались не только локальные дела, но и даже события мирового масштаба. Например, на записи одного из праздников шла речь о вторжении американцев в Ирак или о бомбардировке Югославии. Если по описаниям Карпова в 1982 г. после убийства *квидили* праздник заканчивался, то, по сообщениям информантов, позже праздник мог продолжиться танцами и угощениями. Специфический сценарий Игби становился немого размытым и походил на свадебное торжество в селе или даже скорее на

⁷ Севриновский В. Волки ушли // Это Кавказ. 11.02.2016. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://etokavkaz.ru/tradicii/volki-ushli>. Дата обращения: 1.12.2021 г.

получившие популярность в Дагестане в 1990-е гг. дни села, локальные сельские праздники.

Ощущение значимости праздника, особенно после внимания внешних наблюдателей – исследователей и журналистов – привело к ревности соседей и соревнованиям сел в том, кто имеет на Игби больше прав. Так, описывая приезд Ю. Карпова и А. Азарова в Шаитли, информанты-шаитлинцы вспоминали, что при приближении к Шаитли исследователей встретило рукотворное препятствие – жители Китури, желавшие, чтобы праздник ученые наблюдали именно у них, сделали снежную насыпь и облили ее на ночь водой – в итоге она превратилась в ледяную преграду. Но при помощи трактора ее удалось преодолеть, и исследователи продолжили путь в Шаитли⁸.

Вспоминали шаитлинцы и другую попытку соседей сорвать их праздник. Так, по сообщению одного из информантов, китурицы накануне праздника выкрали все маски, приготовленные для Игби и традиционно хранившиеся в специально арендованном для этого помещении. Шаитлинцы не остались в долгу и, придя в Китури, узнали, где хранится похищенное, забрали обратно свои маски, унеся также и китуринские, которые использовали в своем представлении.

Таким образом, праздник становится для шаитлинцев не просто локальной традицией, а знаком уникальности или, по меньшей мере, первенства по отношению к соседям, важным элементом идентичности и значимым поводом для гордости перед гостями извне.

«Народ уже по-другому смотрит на эти вещи»: конфликты вокруг праздника и его исчезновение в Шаитли и Китури

В последний раз, по сообщению информантов, Игби в Китури играли в 1998 г., в 2007 г. его последний раз играли в Шаитли. В небольшом Гениятли праздник исчез раньше всех. Как же случилось, что после расцвета в 1980-1990-х гг. Игби внезапно ушел из жизни этих цунтинских сел?

В 1990-е гг. на волне реисламизации возрос интерес местных жителей к религиозным знаниям, религия вновь стала открытой и доступной сферой жизни. В Дагестан активно начали приезжать проповедники из арабских стран, а молодые дагестанцы, желавшие получить духовное образование, выезжали для этого в страны Ближнего Востока – Сирию, Саудовскую Аравию, Египет. Возвращаясь, они нередко привозили с собой новое видение ислама и особенно новое отношение к тем локальным религиозным дискурсам и традициям, которые могли наблюдать в своих селах (подробнее см., например, [4; 5]).

⁸ Мне не встретилось описания подобного случая в статьях Ю.Ю. Карпова, не вспоминал он об этом и в частных беседах. Информанты в других рассказах очевидно путают его приезд с приездом корреспондентов с телевидения, возможно, здесь также произошла смена нарративов. Однако для задач данной статьи не так важно – произошла эта и другие истории с Ю.Ю. Карповым и А.И. Азаровым или с журналистами, интересен, прежде всего, принцип построения нарратива.

Переосмыслению и порой жесткой критике подверглись не только непосредственно религиозные практики и суждения, но также остальные сферы жизни, особенно традиционные праздники, в которых ревнители исламского благочестия начали видеть проявление многобожия – *ширк*. Во многих джамаатах и в 1990-е, и в 2000-е гг. проходили жесткие дискуссии о том, стоит ли отмечать праздники, не связанные с исламом напрямую, стоит ли избавиться от *бид'а*, нововведений в исламе. В результате этих дискуссий в некоторых селениях сельское сообщество оказалось расколото: часть сельчан продолжает отмечать праздники, вторая критикует их, демонстративно занимаясь альтернативной деятельностью во время праздника. Так в одном из селений Дагестана во время празднования дня первой борозды сельчане, считавшие отмечание этого праздника *ширком*, во время дня первой борозды проводили акцию по посадке фруктовых деревьев в селе и мовлид (подробнее об этом [6, с. 160]).

Подобные дискуссии, переходящие порой в острые конфликты, об истинности с точки зрения ислама тех или иных локальных культурных явлений характерны не только для современного Дагестана. Можно смотреть на них с разных точек зрения: как на конфликт поколений в результате трансформации в постсоветском обществе [7], столкновение кавказской культуры с «бедуинизированной» культурой⁹, попытки через апелляцию к религиозному полю завоевать социальные блага и статус [8] или даже классическую дихотомию «городская книжная культура» – «сельский локальный мистицизм» [9].

Этих споров не миновали и вышеупомянутые цунтинские селения. Например, уже в 1990-х гг. в Шаитли начались разговоры о том, что этот праздник – и его форма, и его содержание – не соответствуют нормам ислама, поэтому Игби надо отменить. Противники праздника активно обсуждали его запрет и на годекане, и в мечети, поддерживал эту идею и имам. Помимо самих ритуалов противники Игби отмечали, что после праздника проходят танцы и шумные застолья с алкоголем, что ими категорически не одобрялось. Доходило до открытых конфликтов – заготовленные для пошива масок шкуры сжигали, выбрасывали. В результате праздник после 2003 г. несколько лет не проводился. В 2005 г., когда мы с Ю.Ю. Карповым приехали в Шаитли и конфликт между сторонниками и противниками Игби был в самом разгаре, нам показывали коллекцию масок *боци* и костюм *квидили*, которые хранили в школьном музее. Когда я приехала в селение в 2021 г., я спросила о судьбе этих масок – мне объяснили, что они давно пропали – их уничтожили противники праздника.

В 2007 г. по инициативе шаитлинца Шамиля Гаджимурадова, активного сторонника праздника, который в тот период был заведующим отделом культуры района, сельчане предприняли еще одну попытку сыграть Игби. Из районного бюджета даже были выделены деньги на его проведение – по словам информанта, 30 тысяч рублей, которые пошли не только на пошив масок, но

9 Акаев В.Х. «Северокавказский ваххабизм» – разновидность исламского радикализма // Кавказский узел. 07.02.2002. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/15714/>. Дата обращения: 1.12.2021 г.

и на оплату самим *боци* за выход в маске (никогда никто не платил до этого ряженым). Противники праздника пытались противодействовать этому событию, но, когда праздник все же был организован – они одновременно с ним провели *мовлид*, который собрал противников Игби, обнажив раскол в джамаате. Одновременно с этим сразу после праздника должны были состояться выборы главы района, в связи с чем часть сельчан восприняла районную поддержку праздника как предвыборную технологию и тоже была этим недовольна.

Примечательно, что, по данным, собранным В. Севриновским, в тот год проводившие Игби *шаитлинцы* боялись провокаций со стороны соседей, которые еще раньше отказались от праздника – *китурицев* и особенно *гениятлинцев* (последних сельчане воспринимали как самых радикально настроенных по отношению к Игби). Из-за этого, чтобы на время проведения праздника в селение не приезжали лишние критики, *шаитлинцы*, по слухам, спустили лавину на единственную дорогу к аулу¹⁰. Одновременно с этим организаторы активно звали в гости журналистов и исследователей, последним напрямую говоря, что именно их приезд даст мероприятию больший вес и тем самым может помочь его сохранению в селении в дальнейшем. Журналисты приехали и сняли видеосюжет, впоследствии активно растиражированный в интернете¹¹. Активисты очень поддерживали подобное внешнее внимание, считая широкое освещение Игби в прессе возможностью его сохранения. Снимали праздник и местные жители – эти достаточно подробные съемки можно найти на платформе *youtube*¹².

После проведения праздника жители селения, очевидно, настолько были утомлены конфликтами вокруг него, что даже активист *Шамиль*, по словам его брата, сельского учителя *Камиля Гаджимурадова*, решил, что больше проводить его пока не стоит: «против людей идти бесполезно»¹³.

В результате после 2007 г. праздник в селении не проводился. Инициатор последнего Игби, *Шамиль*, трагически погиб. Его брат *Камиль* в 2019 г. вновь попытался организовать в селе праздник. Уже были собраны шкуры для пошива масок, директор школы выделил для их хранения помещение, заинтересовали школьников поучаствовать, однако незадолго до дня Игби помещение было вскрыто и демонстративно разгромлено, шкуры пропали. После этого инцидента организаторы приняли решение праздник не проводить.

10 Севриновский В. Волки ушли // Это Кавказ. 11.02.2016. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://etokavkaz.ru/traditcii/volki-ushli>. Дата обращения: 1.12.2021 г.

11 Обрядовый праздник Игби в селении *Шаитли Цунтинского района* https://yandex.ru/video/preview/?text=%D0%B8%D0%B3%D0%B1%D0%B8+%D1%88%D0%B0%D0%B8%D1%82%D0%BB%D0%B8+2007&path=wizard&parent-reqid=1636581154350728-297985602387382182-vla1-4655-vla-17-balancer-8080-BAL-9620&wiz_type=vital&filmId=5917942241202259305&url=http%3A%2F%2Fwww.youtube.com%2Fwatch%3Fv%3DISQiuUaBd5U

12 Игби – национальный праздник *Дидоэтии* (4 части) <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=8515667274898123409&text=%D0%B8%D0%B3%D0%B1%D0%B8+%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA+%D0%94%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%B8>

13 Полевой материал *Капустиной Е.Л.*, 2021, Махачкала

В соседнем Китури, где традиция оборвалась еще раньше, уже в конце 1990-х, во время моего визита в селение в 2021 году мужчины 50–60 лет, сидящие на годекане у мечети, вспоминая о традициях Игби, вначале единогласно сообщают: «к сожалению, остановили, слишком много пьянства...», утверждая при этом, что до переселения большинства шайтлинцев в Чечню в 1944–1957 гг. праздник проводился скромнее и сообразнее нормам ислама. Однако в конце интервью, после воспоминаний о том, как проводился Игби в Китури, так же единогласно вздыхали: «раньше были радостные люди, сейчас уже оставили.... Ну это все равно культура же, в какой-то форме, есть же у нас традиции... как-то сохранить можно было»¹⁴.

При этом китуриинцы не видят возможности восстановить Игби в своем селе: «Шайтлинцы может и восстановят, а здесь нет. Народ уже по-другому смотрит на эти вещи, честно скажу. Друг друга будут хаять, даже кидаться кулаками, если возвращаться будет это дело»¹⁵.

Не планирует идти против джамаата и К. Гаджимурадов. Он собирается опять поставить вопрос о проведении праздника в селении в 2022 г., но если получит отказ джамаата, то, по его словам, готов подчиниться его решению.

Волки ушли, да здравствуют волки! Квазилокальная судьба праздника

Как уже было отмечено выше, последним годом проведения Игби в Цунтинском районе был 2007 г. Больше ни в Шайтли, ни в других селах района Игби не играли. Однако нельзя сказать, что о празднике забыли. Видеосюжет, снятый в 2007 г., а также ряд публикаций, активно тиражированных в сети интернет, определили медийную судьбу Игби. Описание локального по своей сути праздника, сделанное и Ю. Карповым, и журналистами, в последнее десятилетие активно появляется на многих сайтах, представляющих традиционную культуру Дагестана. Среди таких интернет-ресурсов стоит отметить официальные сайты как республиканских учреждений культуры¹⁶, так и всероссийских¹⁷. Все эти материалы описывают праздник как существующий и поныне в практиковавших его селах¹⁸, хотя все они появились в сети тогда, когда праздник уже давно не отмечался ни в Шайтли, ни в Китури, ни в Гениятли. Более того – на сайте Государственного Российского Дома народного творчества имени В.Д. Поленова при Министерстве культуры РФ Игби числится как объект нематериального

14 Полевой материал Капустиной Е.Л., 2021, Китури.

15 Полевой материал Капустиной Е.Л., 2021, Китури.

16 Республиканский дом народного творчества <https://dagfolkultura.ru/article/kulturnoe-nasledie/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/The%20feast%20of%20mid-winter%20%22Igby%22/>

17 Центр культуры народов России Государственного Российского Дома народного творчества имени В.Д. Поленова при Минкульте РФ <http://xn--j1agjv.xn--p1ai/culture/didoyskiy-prazdnik-okonchaniya-zimy-igbi-selo-shaitli-tsuntinskogo-rayona-respubliki-dagestan/>

18 Завгородняя М. 2020 <https://musaget.ru/igbi-karnaval-s-volkami-i-velikanom-v-dagestane/>

Дидойский праздник <http://xn--j1agjv.xn--p1ai/culture/didoyskiy-prazdnik-okonchaniya-zimy-igbi-selo-shaitli-tsuntinskogo-rayona-respubliki-dagestan/>

культурного наследия, относящийся к республике Дагестан и входящий в соответствующий реестр объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации¹⁹, куда помимо Игби от Дагестана входят лишь кубачинское ювелирное искусство и традиционные родильно-лечебные практики караногайцев. Сам реестр начал заполняться после указа, изданного в декабре 2008 г. Очевидно, что Игби попал в реестр уже будучи праздником-«призраком», то есть тогда, когда в Цунтинском районе он уже не проводился.

Анализ ряда интернет-публикаций показывает, что никто из их авторов не сомневается в том, что праздник отмечается в цунтинских селах по сей день. Особняком стоит статья В. Севриновского «Волки ушли» 2016 г. на интернет-портале «Это Кавказ», где автор, очевидно единственный из писавших в последнее десятилетие про Игби, кто добрался до Шайтли после 2007 г., прямо указывает, что праздник в селении не проводится, а также раскрывает основную причину его исчезновения.

Очевидно, что именно вхождение праздника в реестр объектов нематериального наследия России обусловило внимание к нему со стороны различных интересантов, связанных с Дагестаном, но не связанных при этом с локальной цунтинской традицией.

Например, 11 февраля 2021 г. Содружество молодежи Дагестана при поддержке Постоянного представительства республики в Санкт-Петербурге провели мероприятие, которое назвали презентацией праздника Игби. В пресс-релизе мероприятия помимо приветственных речей высоких гостей было рассказано о сути праздника²⁰. Мероприятие «проводилось при поддержке Комитета по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области в рамках одного из направлений работы Дома дружбы Ленинградской области по сохранению и возрождению традиционных календарных праздников народов Ленинградской области»²¹. Однако речь в публикациях ведется о празднике как об актуальной для Шайтли традиции (многие фразы о том, что праздник живет до сих пор, взяты напрямую из статьи Ю.Ю. Карпова 1983 г.).

В конце октября 2021 г. праздник встречи середины зимы был превращен в спектакль – на базе Ботлихского театра с привлечением сотрудников местных клубов и школьников Ботлиха его поставил актер Государственного аварского музыкально-драматического театра им. Г. Цадасы М. Дудуев. В пресс-релизе мероприятия это событие назвали «премьерой постановки этнического праздника, посвященного проводам зимы «Игби». Также спектакль называют «обрядовой постановкой» и реконструкцией праздника: «Реконструкция

19 Правда на официальном сайте МК РФ www.culture.ru в разделе нематериальное наследие России представлено только кубачинское ювелирное искусство, однако поскольку в реестре на сайте курирующего заполнения этого реестра Дома народного творчества при МК РФ Игби в реестре существует. А кубачинское искусство – нет, предположу, что здесь имеет место техническая ошибка и оба объекта в реестре уже состоят.

20 Дагестанцы 2021 <http://minnacrd.ru/informatsiya/item/5789>

21 Игби – проводы зимы по-дагестански 2021 <http://forumnarodov47.ru/?id=2909&comment=1>

этнического праздника – объекта нематериального культурного наследия «Игби» реализуется с целью сохранения нематериального культурного наследия народов Дагестана, России; воспитания у подрастающего поколения бережного отношения к культурному наследию, формирования духовно-нравственных качеств личности; популяризации традиций народной культуры, вовлечения молодежи в процесс сохранения народной культуры. Проект осуществляется при поддержке Министерства культуры РФ, Министерства культуры РД, Республиканского дома народного творчества, управления культуры Ботлихского района с привлечением специалистов по фольклору, искусствоведов, деятелей культуры и искусства, представителей творческих Союзов музыкантов, композиторов, актеров Государственного Аварского музыкально-драматического театра им. Г. Цадасы»²².

Вероятнее всего именно вхождение Игби в реестр нематериального наследия определило современный вектор развития этого праздника, превратив его в «квазилокальный» и «квазиживой» элемент традиционной культуры. Так описанные выше мероприятия, связанные с Игби, подчеркивают его уникальную локальность, но при этом проходят без взаимодействия с самой локальностью – селами Цунтинского района, отмечают его важность как *сохранившегося* элемента традиционной культуры Дагестана, не упоминая о том, что праздник уже 13 лет как не проводится. Некогда реальный праздник нескольких сельских обществ превращается в республиканский культурный проект, утрачивая не только связь с изначальной локацией и получая таким образом «общедагестанскую прописку», но и, по сути, отделяясь от своего локального прототипа и получая «новую жизнь». Если реальный локальный праздник на данном этапе если не ушел насовсем, то основательно «заморожен», то существующий как строчка в реестре нематериального наследия России Игби продолжает жить и развиваться, обретая новые формы – презентация или обрядовый спектакль.

Исключением из этой череды конструкторов, не связанных изначально с локальностью Игби, является очередная инициатива шайтлинца Камиля Гаджимурадова, одного из последовательных сторонников проведения праздника Игби в селении. В 2021 г. он решил сосредоточиться не на убеждении односельчан в необходимости сохранить Игби, а на демонстрации праздника как уникального культурного явления в масштабе республики. В частности, он намерен представить Игби в Махачкале в феврале 2022 г. – сначала была задумана выставка в одном из музеев города, затем ему и сотрудникам музея пришла идея перед выставкой сделать шествие ряженых – фактически воспроизвести праздник в столице. Для этого К. Гаджимурадов планирует сшить новые костюмы и маски, привлечь заинтересовавшихся мероприятием членов спортивной общественной организации выходцев из Цунтинского района, проживающих в Махачкале, для исполнения ролей. К. Гаджимурадов говорит, что собирается сделать еще одну попытку проведения Игби в селении, но очевидно не очень

²² В Дагестане состоялась премьера постановки этнического праздника Игби <http://dagpravda.ru/novosti/v-dagestane-sostoya-las-premera-postanovki-e-tnicheskogo-prazdnika-igbi/>

уверен в успехе и параллельно с этим собирается оформить авторское право на созданные маски и очевидно развивать идею Игби за пределами района и дальше. Эта часть его плана «возрождения» праздника, таким образом, встанет в один ряд с вышеописанными инициативами, в очередной раз подчеркнув «квазилокальный» статус Игби.

На активную «посмертную» жизнь праздника можно посмотреть и через призму концепта «коммодификации» традиционной дагестанской культуры [10], которую стараются «продать» не только тем, кто имеет к ней непосредственное отношение, но и совершенно не связанные с локальной традицией акторы. Сами же члены сельского сообщества не планируют торговлю праздником, в последние годы очевидно делая ставку на природный туризм в Цунтинском районе.

Выводы

Игби – уникальный праздник, он был зафиксирован лишь в трех удаленных селениях горного Дагестана. Однако вместе с этим он органично вписан в логику календарной обрядности региона и очевидно имеет связь с грузинскими и шире общекавказскими обрядовыми комплексами [1]. При этом Игби стоит в одном ряду с десятками, если не сотнями удивительных дагестанских традиционных праздников: некоторые из которых были утрачены задолго до настоящего времени, а какие-то живы до сих пор. Очевидно, что существовали некоторые аналоги Игби в других дагестанских районах – ряженые, использующие маски и фигуры зооморфных существ в зимних праздниках, появлялись и в даргинских, и в лакских селениях, и описаны, к примеру, в классическом труде А.Г. Булатовой [11]²³.

Очевидно, такой популярности локального праздника способствовало несколько факторов. Помимо очевидной яркости праздничного комплекса и того, что он в полной мере сохранялся в селениях до позднесоветского и пореформенного времени, следует отметить и счастливую судьбу праздника в академической литературе, которую подарил ему Ю.Ю. Карпов. Талант и внимательность исследователя, в результате которых свет увидели статьи об Игби, позволили празднику «прославиться» далеко за пределами научного круга. Сыграли свою роль и привезенные Ю.Ю. Карповым коллекции, фотографии и предметы, их научное изучение [2] и выставочная судьба (маски, к примеру, участвовали в выставках в МАЭ РАН в 2005 и в ГМЦ «Царицыно» в 2012 г). Результатом этой известности стали серия журналистских репортажей, статьи в популярных журналах, внимание общественности. Это, в свою очередь, определило расцвет праздника в 1980-1990 гг., но это же никак не помогло спасти праздник в начале 2000-х гг. Игби пал жертвой процесса переосмысления

²³ Примечательно, что сама А.Г. Булатова ни в этой, ни в другой своей классической книге о праздниках Дагестана [12] не упоминает Игби, хотя обе книги вышли уже ощутимо после публикаций Ю.Ю. Карпова.

традиций в условиях реисламизации региона и появления в Дагестане фундаменталистских религиозных концепций.

Попадание в реестр нематериального наследия России, очевидно, дало толчок к «квазилокальному» развитию локального праздника. Этот этап истории Игби хорошо ложится в концепцию «изобретения традиций», сформулированную Э. Хобсбаумом в 1983 г. [13]. Хобсбаум противопоставляет «изобретенную» традицию, неизменную, подчиненную некоторой идеологии, вечно меняющемуся обычаю [14, с. 48–49]. В этой дихотомии Игби амбивалентен: как локальный праздник, отмечавшийся в Шайтли и Китури, он был живым, достаточно быстро меняющимся в рамках заданных обстоятельств. Как кодифицированное олицетворение нематериального наследия республиканских традиций Игби получает «классическое описание», в буквальном смысле сценарий и даже «вечную жизнь». По моему мнению, сейчас правомерно говорить о двух явлениях: о локальном Игби, на данный момент уже прекратившем (возможно временно) свое существование, и «квазилокальном» Игби, который только начинает свой творческий путь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Карпов Ю.Ю. Общинный зимний праздник у цезов // Советская этнография. 1983. № 3. С. 114–119.
2. Карпов Ю.Ю. Персонажи шайтлинского праздника игби: атрибуты костюмов и общественные функции // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Л., 1989. Т. 43. С. 133–152.
3. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. СПб, 1996.
4. Бобровников В. «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать пять лет спустя // Islamology. 2017. №1. С.107-121.
5. Ярлыкапов А. Ислам и традиция на Северном Кавказе // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017. - С.301-315.
6. Капустина Е.Л. Сельские этюды к городскому пейзажу: трансформация городского пространства в контексте миграционных процессов в Дагестане и сельские землячества в Махачкале начала XXI века // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб., 2013. С.111-175.
7. Стародубровская И.В. Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа // Социология власти. 2019. Т.31, №1. С.92-113.
1. Karpov Yu. Community winter festival among the Tsezi [Obshinnyj zimnij prazdnik u cezov]. *Soviet ethnography [Sovetskaya etnografiya]*. 1983, 3: 114-119. (In Russ)
2. Karpov Yu. Characters of the Shaitli festival of Igby: attributes of costumes and social functions [Personazhi shaitlinskogo prazdnika igbi: atributy kostyumov i obshestvennyye funkcii] *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography [Sbornik Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo]*. Leningrad, 1989. Vol. 43:133-152. (In Russ)
3. Karpov Yu. Dzhigit and the wolf [Dzhigit i volk]. Saint Petersburg, 1996. (In Russ)
4. Bobrovnikov V. "Islamic revival" in Dagestan: twenty-five years later ["Islamskoe vozrozhdenie" v Dagestane: dvadcat let spustya]. *Islamology*. 2017, 1:107-121. (In Russ)
5. Yarlykapov A. Islam and tradition in the North Caucasus [Islam i tradiciya na Severnom Kavkaze] *Ethnic and religious diversity of Russia [Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii]*. VA. Tishkov, VV. Stepanov (eds.). Moscow, 2017:301-315. (In Russ)
6. Kapustina E. Rural sketches of the urban landscape: transformation of urban space in the context of migration processes in Dagestan and rural communities in Makhachkala at the beginning of the XXI century [Selskie etyudy

8. Yusupova G. 'The religious field in a Russian Muslim village: a Bourdieusian perspective on Islam.', *Ethnicities*. 2020, 20 (4). pp. 769-792.
9. Gellner, Ernest. *Muslim Society*. 1981. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Appadurai A. (Ed.), *The social life of things: commodities in cultural perspective* (pp. 64-94). Cambridge, England: 1986. Cambridge University Press.
11. Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX - начале XX века. Л., 1988.
12. Булатова А.Г. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб., 1999.
13. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47-62
14. *The Invention of Tradition*. Edited by Eric Hobsbawm and Terence Ranger. Cambridge University Press, 1983.
- k gorodskomu pejzazu: transformaciya gorodskogo prostranstva v kontekste migracionnyh processov v Dagestane i selskie zemlyachestva v Mahachkale nachala XXI veka] *Caucasian city: the potential of ethnocultural ties in the urban environment [Kavkazskij gorod: potencial etnokulturnyh svyazej v urbanisticheskoy srede]*. Saint Petersburg, 2013: 111-175. (In Russ)
7. Starodubrovskaya I. Intergenerational Relations and Social Transformations: The Case of North Caucasus. *Sociology of power*. 2019, 31(1):92-113. (In Russ)
8. Yusupova G. *The religious field in a Russian Muslim village: a Bourdieusian perspective on Islam*. *Ethnicities*. 2020, 20(4): 769-792.
9. Gellner E. *Muslim Society*. 1981. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Appadurai A. (ed.). *The social life of things: commodities in cultural perspective*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1986. p. 64-94.
11. Bulatova A. *Traditional holidays and rites of the peoples of Mountainous Dagestan [Tradicionnyye prazdniki i obryady narodov gornogo Dagestana v XIX - nachale XX veka]*. Leningrad, 1988.
12. Bulatova A. *Agricultural calendar and calendar customs and ceremonies of the peoples of Dagestan [Selskohozyajstvennyj kalendar i kalendarnye obychai i obryady narodov Dagestana]*. Saint Petersburg, 1999.
13. Hobsbawm E. *Invention of traditions [Izobretenie tradicij]*. *Vestnik Evrazii*. 2000, 1: 47-62.
14. *The Invention of Tradition*. Eric Hobsbawm and Terence Ranger (eds.). Cambridge University Press, 1983.

Статья поступила в редакцию 17.11.2021 г.